

Love story

Виктория Лайт

*Серенада
для невесты*

Виктория Лайт

Серенада для невесты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606525
Серенада для невесты: Панорама; Москва; 2006
ISBN 5-7024-1994-4

Аннотация

Шесть столетий назад норвежская красавица Ингебьерг прибыла в Англию, чтобы выйти замуж за родственника короля, графа Шафтсбери. Но брак не состоялся. Граф отправил встречать невесту своего друга, молодого рыцаря Ричарда, и та влюбилась в него... В наши дни история повторяется: Артур, нынешний граф Шафтсбери, просит своего друга Гарри встретить на вокзале его невесту...

Содержание

1	4
2	11
3	17
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виктория Лайт

Серенада для невесты

1

– Гарри, сегодня самый ужасный день в моей жизни!

Артур Беллингейм, граф Шафтсбери, картинно раскинул руки в разные стороны. Письмо, которое он только что читал, выскользнуло из его пальцев и медленно опустилось на пол.

– Ты все время говоришь так, когда у тебя проблемы, – флегматично откликнулся его собеседник.

– А ты никогда мне не сочувствуешь! – воскликнул Беллингейм и сам рассмеялся, настолько напыщенно прозвучала эта фраза.

– Мне кажется, ты слегка преувеличиваешь, – чуть поморщился Гарольд Уэмбри, младший сын маркиза Сорского. – Или лорд Чизвик сообщил тебе нечто ужасное?

Гарольд кинул любопытный взгляд на письмо. Он знал, что Артур все равно поделится с ним его содержимым, но хотелось бы посмотреть, что написал сам Чизвик, славящийся витиеватым стилем и умением преподносить неприятные вещи как подарок судьбы.

– Он всего лишь написал мне, что моя невеста через два дня будет в Лондоне, – меланхолично заявил Артур, покачиваясь на каблуках.

– Отлично. Значит, вскоре я смогу погулять на твоей свадьбе, – усмехнулся Гарольд.

Артур страдальчески сморщился, чем немало повеселил своего друга.

– Свадьба! – воскликнул граф Шафтсбери, вложив в это слово максимальное презрение. – В жизни меня так не унижали. Слово я восемнадцатилетний юнец, который не в состоянии подобрать себе достойную жену!

Гарольд молча пожал плечами. В жалобах Артура было разумное зерно. Неизвестно, как он сам бы реагировал на события, окажись он на его месте.

– Не спеши с выводами, – произнес он успокаивающе. – В конце концов, ты даже не видел ее. Может быть, это премиленькая девочка...

– Да какая разница! – Смуглое лицо Артура покрылось легким румянцем. – Мой достойный папаша возмнил, что на дворе Средние века, и он может спокойно распоряжаться моей судьбой!

– Господи, Арт, в твоей семье веками заключали династические браки. Граф всего лишь позаботился о чистоте крови. И весьма своевременно, должен тебе сказать.

Гарольд откинулся на мягкую диванную подушку и многозначительно подмигнул другу. Артур отвел глаза. Он знал, что Гарольд намекает на его недавнее увлечение Хелен Родерик, начинающей моделью и актрисой.

– Отец должен был знать, что я не допущу ничего, позорящего честь Беллингеймов, – гордо объявил он.

– К чему спорить об этом? – пожал плечами Гарольд. – Тебе все равно некуда деваться...

Артур уныло вздохнул. Только подумать – всего лишь полтора месяца назад он был беззаботен и счастлив, единственный наследник огромного состояния старого графа Антуана Шафтсбери. На него благосклонно смотрели красивейшие женщины Лондона, и он по праву мог считать себя везунчиком.

Однако буквально в одну неделю все переменялось. Давно и тяжело болевший граф Шафтсбери отошел в мир иной. Артур скорбел по отцу, потому что, несмотря на все их раз-

ногласия, искренне любил его. Но оглашение завещания старого графа вскоре заставило его позабыть о сыновней почтительности. Нет, Антуан отнюдь не лишил сына наследства. И не пожертвовал половину своего состояния в какой-нибудь благотворительный фонд. Артур мог не беспокоиться – вместе с графским титулом он получал многомиллионное состояние, фамильный замок Шафтсбери в Кенте и множество других земельных владений по всей стране, знаменитые драгоценности Шафтсбери, сами по себе настоящее сокровище, отлично налаженный судостроительный и торговый бизнес. Только перечисление богатств предпринимчивого лорда заняло более десяти страниц. Кое-что явилось для Артура откровением, так как даже он не подозревал о реальных размерах состояния своего отца. И все это переходило к нему, не считая шотландского замка, составлявшего приданое его матери. Этот замок и прилегающие к нему земли Антуан оставил своей двоюродной сестре, проживающей со своим многочисленным семейством на севере Англии.

Артур был поражен и смущен одновременно. Он никогда не страдал от отсутствия денег, ему не нужно было зарабатывать себе на хлеб, однако сейчас он явственно ощутил, что помимо привилегий и преимуществ новое положение накладывало на него и определенные обязательства... Но додумать эту мысль до конца он не успел – поверенный отца Джеймс Ридли монотонным голосом продолжил чтение, и все беспокойство по поводу ответственности моментально вылетело у молодого графа из головы. В завещании имелась одна небольшая, но весьма существенная приписка. Артур должен был выполнить обещание, данное Антуаном Шафтсбери некоему барону де Кастельяк двадцать два года назад.

При этих словах Артур заерзал на стуле. Он знал, что его отец, несмотря на всю свою деловитость и финансовую смекалку, отличался романтическим складом характера и вполне был способен выкинуть какую-нибудь глупость в духе раннего средневековья. Предчувствия Артура не обманули. Старый граф вполне недвусмысленно объявлял о том, что двадцать два года назад он и барон Филипп де Кастельяк заключили соглашение о будущем брачном союзе между его сыном Артуром и новорожденной дочерью барона.

Услышав это, Артур возмущенно фыркнул. Так он и подчинится! Джеймс Ридли бросил на него из-под очков загадочный взгляд и продолжил:

– В случае неисполнения Артуром моей воли, он лишается права свободно распоряжаться всем движимым и недвижимым имуществом, и право управления и принятия решений переходит к моему давнему другу, назначенному мною душеприказчиком, его светлости лорду Джорджу Герберту Чизвику, графу Домершетскому. Лорд Чизвик единолично определит размер пособия, причитающегося Артуру Беллингейму, и будет ежегодно выплачивать его до тех пор, пока Артур не соизволит исполнить волю отца...

Никогда в жизни Артур не испытывал подобного негодования. Он легко мог представить себе, что отец вздумал лишить его наследства из-за очередной его проказы. Это было бы в духе старого графа. Но навязывать ему незнакомую женщину в качестве жены, да еще в таком унижительном тоне... Это было уже чересчур.

– Объясните, что все это значит, Джордж! – воскликнул Артур, как только остался наедине с лордом Чизвиком.

Они находились в лондонском особняке графа Шафтсбери, и даже сквозь плотно закрытые окна до них доносился шум города. Лорд Чизвик сидел напротив новоиспеченного графа и морщил высокий красивый лоб, стараясь сообразить, в каком духе лучше вести беседу.

– По какому праву отец выдвинул это ужасное условие? – бушевал Артур, стуча кулаком по подлокотнику кресла. – Мне тридцать два года, неужели я не в состоянии подобрать себе подходящую невесту?

Лорд Чизвик дипломатично молчал. Он знал, что Артур отличается исключительно горячим нравом, унаследованным от матери, и хотел, чтобы он выговорился. Ситуация действительно была не из легких. Джордж Чизвик с давних пор дружил с Антуаном Шафтсбери. Знал он и барона Филиппа де Кастельяка, с которым Антуан заключил это безумное соглашение, когда Артуру было десять лет. У Кастельяка только что родилась дочь, и он, больше всего на свете озабоченный генеалогическим древом своей семьи, принял решение временно позаботиться о женихе для малютки. В лице Антуана он нашел ярого единомышленника – граф Шафтсбери тоже больше всего боялся, что выбор его отпрыска придется ему не по вкусу. В этот безумный двадцатый век можно было ожидать, чего угодно!

Благоразумный Джордж Чизвик пытался отговорить их. Но знатные отцы жаждали вершить судьбы своих детей. Напрасно Чизвик доказывал Антуану, что Артур даже не обратит внимания на этот смешной договор. Граф Шафтсбери упорно стоял на своем и уверял друга, что найдет способ заставить сына подчиниться...

Так вот что ты имел в виду, Антуан, подумал лорд Чизвик, разглядывая мрачное лицо Артура. Что ж, ты всегда умел настоять на своем.

– Твой отец заботился о твоём благе, – наконец произнес Чизвик.

Как и следовало ожидать, Артур побагровел от ярости. Он вскочил с кресла и принялась расхаживать по комнате.

– Издевательство теперь называется заботой? – воскликнул он. – Отец навязывает мне незнакомую девицу, но этого ему мало. От этого идиотского брака зависит, буду ли я полноправным владельцем его состояния или нет!

– Иначе ты не выполнил бы его распоряжение, – мягко заметил Чизвик, добавив про себя, что пока неизвестно, как поступит оскорбленный Артур.

Молодой граф задумался. Они с отцом раньше постоянно спорили. И хотя Артур искренне переживал из-за его смерти, он чувствовал, что теперь сможет жить по своему усмотрению. Однако отец даже из могилы продолжает управлять им! Это уже переходило все границы.

– Я не понимаю, почему ты так беспокоишься, – начал лорд Чизвик, видя, что Артур выговорился. – Раньше в благородных семьях браки всегда заключались таким образом, и нельзя сказать, что это было плохо... Де Кастельяки – очень известный род, а прабабкой твоей невесты по материнской линии была русская княжна, бежавшая во Францию от большевиков. Лучшего и не пожелаешь.

Артур презрительно хмыкнул.

– Или ты хочешь сказать, что подумываешь о женитьбе на другой женщине? – осторожно спросил лорд Чизвик. В таком случае недовольство Артура вполне объяснимо...

– Я вообще не подумываю о женитьбе! – раздраженно рявкнул Артур.

– В твоём возрасте уже пора, – наставительно произнес лорд Чизвик. – И то, что предложил тебе Антуан, не так уж плохо...

– Бред какой-то! – Артур рубанул ладонью по столу. Массивный деревянный бювар чуть не упал на бок. – Вы послушайте, что говорите, Джордж! Отец сосватал мне какую-то подозрительную девицу, даже не зная, во что она превратится впоследствии!

– Такова была его воля, – дипломатично пожал плечами лорд Чизвик.

В глубине души он был полностью согласен с Артуром и разделял его негодование. В конце концов, Антуан мог бы рассказать сыну о своём замысле, заранее познакомить его с невестой. Кто знает, может быть, молодые люди пришли бы друг другу по душе. Но нет, граф Шафтсбери предпочел поступить как своенравный феодал и навязать единственному сыну свою волю. Ирония судьбы – именно он, Чизвик, который всегда был против этой затеи, должен отстаивать сейчас точку зрения покойного друга.

– Отец мог хотя бы предупредить меня! – Артур подошел к окну, заложив руки за спину.

Лорд Чизвик настороженно следил за его передвижениями, от души надеясь, что молодой человек сгоряча не начнет крушить мебель.

– А ведь ты можешь и не жениться, – вдруг негромко заметил он.

Артур нахмурился. Да, эта мысль первой пришла ему в голову, как только он услышал о дурацком условии. Но разве в таком случае он не потеряет все наследство?

– Конечно, ты лишишься кое-чего, – развивал свою мысль Чизвик. – Замок Шафтсбери достанется твоей тетушке, равно как и семейные драгоценности. Ты сможешь выбрать себе любое другое поместье. Титул, естественно, останется за тобой. Ты не сможешь свободно распоряжаться деньгами и участвовать в управлении компаниями, но я позабочусь о твоём содержании, не волнуйся.

Артур не волновался. Он знал, что на Джорджа Чизвика можно положиться, и в последнюю очередь тот будет искать в сложившейся ситуации выгоду для себя. Но как это унижительно – потерять почти все из-за такого пустяка...

– Ты не должен думать о том, что твоя гордость пострадает, если ты подчинишься отцу, – продолжил Чизвик через некоторое время. Он интуитивно догадывался, что это в данный момент тревожит Артура больше всего. – С твоей стороны это будет сыновья почтительность, ничего больше. Глупо лишаться того, что принадлежит тебе по праву, из-за оскорбленного самолюбия.

Артур по-прежнему стоял у окна, и постороннему наблюдателю могло показаться, что он совсем не слушает рассуждения Чизвика.

– Представь, что это последняя просьба отца. Разве ты отказался бы выполнить волю умирающего?

– Это не просьба, а приказ, – бросил Артур, даже не оглянувшись. – Отец всю жизнь обожал командовать.

Лорд Чизвик печально вздохнул. Он так и знал, что ничем хорошим это не кончится. Артур вправе сердиться на отца, и не исключено, что ему придется взвалить на свои старые плечи еще и заботы о состоянии Шафтсбери...

– А вы уверены в том, что эта девица еще не вышла замуж? – прозвучал вдруг напряженный голос Артура. – Что она не превратилась в наркоманку, не спилась, не стала торговать собой? Что если меня вынуждают взять в жены какое-нибудь умственно отсталое существо? Об этом отец подумал?

Лорд Чизвик едва сдержал улыбку.

– Твое беспокойство понятно, – проговорил он с достоинством. – Но барон Филипп воспитывал дочь в самых строгих правилах. А последние пять лет, с тех пор как он умер, она неотлучно находится в школе матушки Магдалены при женском монастыре в Блуа.

Артур резко повернулся.

– Монашка? – с удивлением воскликнул он.

– Ну почему сразу монашка... – поморщился лорд Чизвик. – Воспитанница. Она получила там прекрасное образование. Девушка скромна, начитанна, благородна, хороша собой. Чем не идеальная жена?

– Но как католичка может стать моей женой?

– Да, в Средние века это могло бы стать серьезным препятствием, – улыбнулся лорд Чизвик. – Но сейчас вам даже не нужно менять вероисповедание, чтобы обвенчаться...

– Все-таки пять лет в католическом монастыре – это не шутка, – задумчиво проговорил Артур. – Вдруг баронесса горит желанием выйти замуж исключительно за католика?

– Баронессе абсолютно все равно, – заверил его лорд Чизвик, сожалея в душе о том, что и эта отговорка Артуру не поможет.

– А вам-то откуда все это известно? – Артур с подозрением покосился на лорда Чизвика. Тот развел руками.

– Понимаешь, я назначен ее опекуном.

Это было уже слишком. Артур захохотал.

– Господи... как хорошо... вы... все это... состряпали, – бормотал он сквозь смех.

Лорд Чизвик добродушно улыбался. Кажется, его безнадежное предприятие совершенно неожиданно увенчалось успехом...

Ингебьерг стояла на берегу стремительного Логана и с грустью смотрела на прозрачную зеленоватую воду, покрытую в некоторых местах белой пеной. Нелегко было на сердце у красавицы. Ее отец, рыцарь Андрес, состоявший в родстве с самим королевским домом, объявил, что ей скоро придется покинуть родные места навсегда.

Со вздохом присела Ингебьерг на плоский пестрый камень у воды, развязала котомку из грубого холста, которая висела у нее на плече, достала кусок ячменного хлеба и принялась медленно есть. Почему отец так сурово обращается с ней? Он же знает, как любит она родную землю, эту бурную широкую реку, горы, долину, покрытую вереском. Прозрачен и чист воздух ее дорогой Норвегии, почему же она должна навсегда расстаться с ним?

Внезапно Ингебьерг подняла голову и прислушалась. Ее чуткие уши уловили звук шагов на горной тропе. Вот хрустнула под ногами веточка, вот откатился в сторону маленький камень. Ингебьерг быстро поправила складки тяжелого плаща. Нежеланна была эта встреча. Она совсем одна, путник может подумать невесту что... Хотя кто посмеет обидеть ее на землях ее отца, могущественного рыцаря?

Вскоре из-за поворота показался мужской силуэт. Взгляд девушки потеплел. Ей нечего бояться. Это был Эрленд, сын Бьергюльфа, красивый и мужественный юноша, товарищ ее детских игр. Сейчас Эрленд был оруженосцем ее отца и очень гордился своей должностью при столь знатном рыцаре.

Почтительно приветствовал Эрленд дочь своего господина, но глаза его были печальны. Он присел на траву у ног девушки и спросил:

– Скажи, Ингебьерг, правда то, что я слышал сейчас от моего господина, рыцаря Андреса?

Ингебьерг смутилась. Неужели уже все знают о ее печальной участи?

– Я не мог поверить в это и решил спросить у тебя, – продолжал юноша, не спуская глаз с Ингебьерг. – Ты действительно уплывешь этим летом с корабельщиками из Сюдбю на туманные острова, чтобы стать женой английского рыцаря?

Слезы затуманили голубые глаза девушки. Зачем Эрленд бережит рану?

– Да, – еле слышно выдохнула она. – Король Хокон, наш родич, хочет завязать дружбу с королем той далекой страны. Меня просватали за одного из его близких друзей...

– Но почему именно ты! – вскричал Эрленд, и Ингебьерг поразило отчаяние, прозвучавшее в его голосе.

– Послы короля сами назвали меня. Говорят, слух обо мне достиг их земли... – простодушно ответила девушка.

– Это несправедливо! – Губы Эрленда задрожали.

Ингебьерг с изумлением посмотрела на него – никогда она не видела храброго оруженосца в таком волнении.

– Такова воля короля, – тихо проговорила девушка. – Разве можно противиться ей?

– Воля короля, – со злостью проговорил Эрленд. – Наверное, ты сама хочешь уехать, Ингебьерг, раз так спокойно говоришь об этом. Тебе хочется путешествовать, посмотреть на чужих людей...

– Нет! – Девушка закрыла лицо руками, чтобы Эрленд не увидел ее слез. – Я смотрю на Логан, на леса и поля, на горы и облака, на наш старый дом, и мне становится горько от того, что я больше никогда их не увижу...

– Только ли это беспокоит тебя, прекрасная Ингебьерг? – осторожно спросил Эрленд. В его голосе появились новые, незнакомые девушке нотки. Она отняла руки от лица и внимательно посмотрела на оруженосца.

– Я не хочу покидать отца и матушку, и братьев, и сестер, – медленно проговорила она, смущенная горящим взглядом Эрленда. – И всех, кого я знаю и люблю здесь...

– Знаешь и любишь, – шепотом повторил Эрленд. – Скажи, а кого ты любишь, Ингебьерг?

– Всех, – ласково улыбнулась девушка. – И отца, хотя он часто бывает строг со мной, и добрую матушку. И отца Никулауса, и маленькую Маргрит, и...

– И меня? – спросил Эрленд.

Ингебьерг с нежностью посмотрела на юношу и тут же отвела глаза. Его необычный взгляд вызвал краску на ее округлых щеках.

– И тебя, Эрленд, товарищ моих игр. Хотя мы выросли, и ты больше не обращаешь на меня внимания, а занят своим оружием и лошадьми, я все равно помню и люблю тебя, как раньше.

Девушка протянула руку и коснулась темных кудрей Эрленда.

– Ты еще такой ребенок, Ингебьерг, – с досадой проговорил Эрленд.

Он вдруг схватил руку девушки и прижал к губам. Его горячее дыхание опалило нежную кожу. Вне себя от возмущения, Ингебьерг отняла у него руку и вскочила. Ее щеки покраснелись.

– Ты сегодня удивляешь меня, Эрленд! – воскликнула она гневно.

– Я так неприятен тебе, Ингебьерг? – спросил он с грустью, глядя на красавицу снизу вверх.

Ничего не отвечая, Ингебьерг развернулась и быстро пошла по тропе прочь от реки, где Эрленд вздумал смущать ее странными разговорами.

Дома полным ходом шла подготовка к отплытию. Собиралось приданое Ингебьерг – наилучшее полотно и шелка, золотые и серебряные украшения, платья, башмаки, рубашки. В подарок будущему зятю и его королю рыцарь Андрес готовил острые мечи и кубки, окованные золотом. Он был невероятно горд тем, что на его дочь пал выбор короля Хокона. Слава о красоте Ингебьерг проникла далеко за пределы Норвегии! Конечно, никогда больше он не увидит дочь, но разве это не судьба всех дочерей – выходить замуж и уезжать от родителей навечно? Поэтому лучше утереть женские слезы и готовиться к свадьбе, которая сулила рыцарю Андресу и его роду много выгоды.

С тяжелым сердцем Ингебьерг бродила по двору. Все вокруг были заняты привычными хлопотами, и лишь она одна не знала, куда приложить руки. Все считают, что ей очень повезло и она должна быть счастлива, и никто не думает о том, как страшно ей отправляться на чужбину к незнакомым людям, с которыми она даже объясниться поначалу не сможет.

Лучи заходящего солнца коснулись щеки девушки. Ингебьерг приложила ладонь ко лбу. Внезапно вспомнила она о встрече у реки. Никогда еще Эрленд не говорил с ней так! А ведь он красив. Ингебьерг неоднократно слышала, как вздыхали о нем замужние гости и девушки. Но никого не дарил Эрленд своим вниманием, хотя в их доме останавливались настоящие красавицы!

Неужели он любит меня? – мелькнула у Ингебьерг мысль, и от этого ей внезапно стало хорошо и весело. Я могла бы стать его женой, продолжала размышлять девушка, отец бы выделил мне поместье, и мы бы зажили счастливо. И мне не нужно было бы никуда уезжать...

Испугавшись собственной смелости, Ингебьерг оглянулась, словно кто-то мог подслушать ее мысли. Бесплодные мечты! Эрленд беден, и отец никогда бы не позволил им быть вместе. К тому же матушка всегда говорила, когда думала, что Ингебьерг не слышит ее, что

Эрленд, сын Бьергюльфа, слишком красив, чтобы быть хорошим мужем. И сама Ингебьерг совсем не уверена в том, что хотела бы стать женой Эрленда. Лучше бы совсем не выходить замуж и все время жить в родном доме рядом с матушкой, варить пиво, ткать холст, гулять по берегам Логана...

Но кто послушает ее! Покорности ждут от девушки, повиновения отцовской воле. И Ингебьерг будет послушна, хотя бы она ослепла от слез, тоскуя по родной земле!

2

Стояли чудесные августовские деньки, последние, и оттого особенно ценные. Осень с ее промозглыми туманами и сыростью подкрадывалась к Британским островам, но пока о ней напоминали лишь пожелтевшие края листьев. Еще не дули пронизывающие ветра, не барабанили по оконным стеклам и крышам вечные дожди, и люди с наслаждением подставляли лица ласковым лучам солнца.

Двадцать девятого августа с поезда, прибывшего на Брайтонский вокзал из Лондона, сошел молодой человек. Он резко контрастировал с окружающими его людьми – веселыми, нарядными, радующимися теплоте дня и приветливому солнцу. Казалось, ничто не в состоянии заставить молодого человека улыбнуться – ни прекрасная погода, ни многозначительные взгляды, которые на него кидали симпатичные девушки, ни общее приподнятое настроение, царившее в городе. Он был так мрачен, словно только что похоронил все семью, и даже Джимми, знаменитый на весь Брайтон шофер-балагур, не осмелился шутить со столь суровым пассажиром, когда вез его от вокзала в гостиницу.

В отеле настроение лондонского гостя отнюдь не улучшилось. Он едва поговорил с портье, черкнул свое имя в книге посетителей, взял ключ и заперся в своем номере. Очаровательная девушка за стойкой, равно заинтригованная как привлекательностью вновь прибывшего, так и его мрачностью, с любопытством изучила запись. Гарольд Уэмбри, эсквайр. Девушка закусила полную нижнюю губу. Настоящий лорд! И такой красивый...

Гарольд быстро брился в своем номере, даже не подозревая о буре эмоций, вызванной им в душе хорошенькой служащей. Через полтора часа в Брайтонский порт должен прибыть пароход «Гордость Франции», на борту которого находится юная баронесса де Кастельяк. Именно ее и надлежало встретить Гарольду, и надо сказать, что он был от этого поручения отнюдь не в восторге.

Вначале встречать невесту графа Шафтсбери собирались лорд Чизвик и сам Артур. Это было естественно и прилично. Но у лорда Чизвика вдруг разболелась печень, и он был вынужден отказаться от путешествия.

– Я буду ждать вас в Лондоне, мой мальчик, – сказал он Артуру по телефону. В его голосе явно чувствовалось страдание. – Может быть, мне скоро станет лучше...

Артур пожелал ему выздоровления, не сразу осознав, чем это внезапная болезнь грозит лично ему. Он спокойно положил трубку и вдруг похолодел. Раз Чизвик не едет, то... встречать невесту ему придется одному!

Граф Шафтсбери запаниковал. Артур был храбрым человеком, но при мысли о том, что он один будет стоять на пристани, ожидая незнакомую ему девушку, а потом ехать с ней обратно в Лондон, ему делалось дурно.

– Я даже не представляю, как она выглядит, Гарри! – восклицал он. – И потом обратное путешествие... О чем мы будем говорить?

– Вы можете обсудить имена своих будущих детей, – без тени улыбки предложил Гарольд.

Артур застонал. Двадцать девятое августа неумолимо приближалось, и ему становилось все хуже и хуже.

– Хочешь, я поеду с тобой? – великодушно предложил Гарольд.

Артур с радостью ухватился за это предложение. Но в самый последний момент стало известно, что дела компании требуют обязательного присутствия Беллингейма в Лондоне, и он никак не успевает встретить невесту.

Проклиная все на свете, Гарольд отправился один. Артур клятвенно пообещал выехать им навстречу, но глядя на его счастливое лицо, в это было трудно поверить. У Гарри даже

мелькнула предательская мысль, а не подстроено ли это срочное дело самим Артуром, чтобы уклониться от нежеланной встречи, но он тут же устыдился ее.

Так получилось, что Гарольд Уэмбри оказался в брайтонской гостинице. Предстоящая встреча с баронессой нагоняла на него тоску. Он находил всю эту затею со свадьбой глупой и нелепой и был заранее настроен против неведомой невесты. Но дружба есть дружба, и раз Артур попросил его, то не может быть никаких разговоров.

Гарольд знал Артура с детства. Его семья была тоже родом из Кента, хотя и не так знатна и богата, как семья графа Шафтсбери. Положение Гарольда ухудшалось тем, что в отличие от Артура, он не был единственным сыном и не мог рассчитывать даже на отцовский титул. Между ним и маркизом Сорским стояли его старший брат Огастес и средний брат Эндрю. Впрочем, это не огорчало Гарольда – в двадцатом веке всем этим пышным титулом и родословным придается мало значения!

Гораздо хуже было то, что единственным достоянием маркиза Сорского был замок предков, весьма потрепанный годами и непогодой. Он настоятельно требовал ремонта, в то время как средств в семье не было. Ни продать, ни сдать замок не удавалось – для этого маркиз был слишком плохим бизнесменом, а его сыновья предпочитали искать удачу на стороне. Старший, Огастес, наследник титула, уехал в Нью-Йорк и работал там бухгалтером, средний упорно трудился помощником адвоката, а младший Гарольд закончил военную академию. Помимо трех сыновей у маркиза были еще две дочери, и он тщетно надеялся с помощью их замужества поправить свои пошатнувшиеся дела.

Одним словом, Гарольд Уэмбри отнюдь не принадлежал к блестящему классу прожигателей жизни, к которым смело относил себя Артур Беллингем. Гарольд хорошо знал цену каждому пенсу и совсем не был склонен к тому безрассудному мотовству, которое так часто выводило из себя отца Артура Антуана Шафтсбери.

Если бы Гарольд и Артур жили в средние века, у Уэмбри были бы все шансы стать верным оруженосцем более богатого и знатного Беллингея. Но служение сеньорам кануло в Лету, и отношения между молодыми людьми назывались просто дружбой.

Артур поначалу всячески старался помочь Гарри, но гордость не позволяла Гарольду воспользоваться милостью своего состоятельного друга. Он сам зарабатывал себе на жизнь и ни в ком не нуждался. Однако разница в положении отнюдь не мешала дружбе Артура и Гарольда, и они знали, что могут смело положиться друг на друга.

Чем и воспользовался Артур, посылая Гарри встретить свою невесту.

Через полчаса Гарольд вышел из гостиницы. Его настроение не улучшилось – он по-прежнему хмурил брови, оглядываясь по сторонам. Он не представлял себе, что скажет девушке, ожидающей увидеть опекуна и жениха. А ведь ему предстояло не только встретить ее, но и проводить до Лондона, и одному Богу известно, о чем он будет разговаривать с ней в дороге!

Вот и порт. Гарольд сунул таксисту деньги и быстро пошел вперед. Он не любил человеческую сутолоку и суету, непременно присутствующие в подобных местах. Кто-то торопится встречать, кто-то готовится к отъезду, и вся эта масса людей бежит куда-то, беспокоится, раздражает. Гарольд отошел в сторону, выбрал себе местечко поспокойнее и приготовился ждать. Он не имел ни малейшего понятия о том, как выглядит баронесса – страдающий лорд Чизвик не сообразил снабдить Артура хотя бы ее устным портретом.

Пароход прибыл. Гарольд понял это по внезапно увеличившейся толпе. Всем не терпелось побыстрее заключить своих друзей в объятия, и лишь один он никуда не спешил. У некоторых встречающих в руках были таблички с именами, и Гарольд с запоздалым сожалением подумал, что мог бы соорудить нечто подобное.

Он на секунду представил себе, какотреагирует Артур, если он не встретит в Брайтоне баронессу де Кастельяк. Скорее всего, философски пожмет плечами. Маленькая француженка здесь нежеланный гость. Гарольд вспомнил огромные синие глаза Хелен Родерик, последней подружки Артура, и усмехнулся. Будущей графине Шафтсбери не позавидуешь. Впрочем, тут же поправился Гарольд, Артур – славный малый и ни за что не станет обижать жену. Возможно даже, если она не очень дурна собой, он привяжется к ней...

Гарольд размышлял, рассеянно оглядывая спешащих мимо людей. Еще чуть-чуть, и толпа схлынет, и тогда он попробует отыскать одинокую француженку. Ему вдруг стало жаль девушку. Провести столько времени в школе при монастыре, а потом отправиться в чужую страну, чтобы стать женой незнакомого мужчины. Сюжет, достойный романа. Даже не верится, что такое может произойти в наши дни...

Он почувствовал, что теряет бдительность, и снова стал вглядываться в людей. И тотчас отметил, что его жадные взгляды не остаются без ответа – то одна, то другая женщина приветливо улыбалась молодому человеку. Гарольд хмурился и переводил глаза, но, казалось, здесь сегодня собрались исключительно одинокие дамы, жаждущие знакомства.

Гарольд знал, что женщины находят его привлекательным. Он был высок и строен, его небрежная улыбка могла лишиться спокойствия записную кокетку. Он коротко стриг свои черные волосы, но все равно, отрастая, они начинали завиваться на висках. Глаза Гарольда были карими с необыкновенно белыми белками, отчего темный цвет становился еще темнее. С правой стороны над верхней губой виднелся маленький бледный шрам, след от взрыва гранаты еще во времена академии. И еще у Гарольда были необыкновенно красивые руки – крепкие и сильные, и в то же время изящные, широкие ладони и длинные гибкие пальцы.

Сейчас эти прекрасные руки были безжалостно засунуты в карманы брюк. Призывные женские взгляды бесконечно раздражали Гарольда. Он уже начал нервничать, что пропустил баронессу, и не имел ни малейшего желания завязывать знакомства. Женщины! Пустые существа. Бесспорно милые и привлекательные, способные украсить жизнь мужчины, но гораздо чаще портящие ее своими капризами и притязаниями. Вечно стремятся покорить, привязать к себе, причинить боль. Мнят себя центром вселенной, а на деле жадны и падки на дорогие подарки.

Молодой человек горько усмехнулся своим мыслям. Ему нередко приходилось быть свидетелем того, как расположение той или иной красавицы легко завоевывалось с помощью драгоценностей, и это наложило отпечаток на его отношение к слабому полу. Гарольд посмотрел на спящих людей, ругая себя за то, что опять отвлекся.

– Эй, посмотри, какая малышка там, справа стоит, – раздался за его спиной мужской хрипловатый голос, и тут же последовал ответ:

– Да, девочка супер...

Гарольд невольно посмотрел в сторону, о которой говорили мужчины. Там, совсем недалеко от него, стояла девушка в легком бежевом плаще по колено с небольшой дорожной сумкой в руках. Ее светлые волосы были заплетены в косы, и одна толстая коса была небрежно перекинута через плечо. Девушка внимательно оглядывалась, и Гарольду стало понятно, почему проходившие мимо мужчины вдруг замедляли шаг. Однако подойти к девушке никто не осмеливался – веяло от ее фигуры чем-то очень сосредоточенным и серьезным, и все банальные слова вылетали из головы при одном взгляде на ее задумчивое личико.

Гарольд машинально расстегнул верхнюю пуговичку рубашки, ему внезапно стало не хватать воздуха. С его места ему была прекрасно видна девушка, ее большие настороженные глаза, нежный овал лица, розовые, нетронутые помадой губы. Кто она? Как очутилась в этом шумном зале, такая спокойная, словно из другого мира?

Внезапно из толпы к ней бросилась девушка примерно того же возраста с темными короткими волосами и что-то быстро затараторила. Девушки были явно знакомы, было даже

что-то неуловимо похожее в их манерах. До Гарольда доносились обрывки слов, и он, поглощенный созерцанием, не сразу понял, что разговор ведется по-французски.

Естественное предположение молнией мелькнуло в его голове. Неужели это она? Гарольд вдруг смутился. От бывшего раздражения не осталось и следа, он находился сейчас во власти более сильных противоречивых чувств. Он боялся подойти к девушкам, боялся убедиться в том, что светловолосая как раз та самая баронесса, что должна стать женой Артура, и в то же время понимал, что он обязан проверить, что его опасения смешны и подозрительны, что баронессой, в конце концов, может оказаться и темненькая...

Наконец Гарольд набрался смелости и подошел к девушкам. Бездонные черные глаза глянули на него, и он потерял дар речи.

– П-простите... я разыскиваю баронессу де Кастельяк, – пробормотал он сам не свой на ломаном французском.

– Это я, – негромко ответила светленькая и тут же перешла на английский, представляя свою подругу. – А это Флора Мажиро, моя кузина.

Флора немедленно расплылась в улыбке, но Гарольд даже не посмотрел в ее сторону. Он с мучительной ясностью осознал, что даже не знает, как зовут юную баронессу. Не удалось выяснить. А она продолжала смотреть на него своими пугающе прекрасными глазами, словно старалась запомнить мельчайшую черточку его лица.

– А вы граф Шафтсбери? – поинтересовалась бойкая Флора, находя, что молчание неприлично затянулось.

Она так смешно выговорила фамилию Артура, что Гарольд поначалу не понял. Медленно, очень медленно смысл вопроса дошел до него.

– Н-нет, – проговорил он через силу и тут же увидел, как глаза баронессы погрустнели. – Меня зовут Гарольд Уэмбри, я друг графа. К сожалению, Артур не смог встретить вас лично, так как...

Гарольд заставил себя говорить. Он объяснил девушкам, почему отсутствуют Артур и лорд Чизвик, расспросил о путешествии, забрал их багаж, повел их на стоянку такси. И все это время его не покидало ощущение, что баронесса пристально разглядывает его. Она все время молчала, Гарольд беседовал в основном со словоохотливой Флорой, но это не мешало ему видеть везде темные глаза ее спутницы.

Он предложил им переночевать в отеле, отдохнуть после морского переезда, а потом уже отправляться в Лондон, но девушки были полны решимости ехать дальше.

– Мы совсем не устали, – твердо сказала баронесса, смотря Гарольду прямо в глаза, и он вдруг ощутил в себе ужасную готовность выполнить любое ее желание.

Они поехали сразу на вокзал и приобрели билеты. До отъезда поезда оставалось еще два часа, и Гарольд пригласил девушек в ресторан. Он изо всех сил старался быть любезным и внимательным, поддерживать беседу, но где-то в глубине души его грызла мысль о том, что он неловок и беспомощен и ведет себя как дурак. Как радовался он каждый раз, когда ему удавалось вызвать слабое подобие улыбки на губах баронессы. Что ему был заливистый смех Флоры, которая не упускала случая показать жемчужные зубки! Гарольд чувствовал в себе какое-то бесшабашное отчаяние. Он запрещал себе думать о том, что происходит и что светловолосая баронесса – невеста его друга. Впервые в жизни его занимал лишь текущий момент, в котором был этот солнечный город, августовский день и девушка с неправдоподобно темными глазами.

И земля останавливалась, когда он заглядывал ей в лицо.

– Эй, Шафтсбери, я обтяпал для тебя славненькое дельце! – хрипло проговорил Эдуард.

Человек, к которому обращались, на секунду выпустил из рук зажаренного на вертеле молодого поросенка. Когда говорит король, нужно проявлять почтение, даже если ты его родственник и близкий друг.

– Ты ведь хочешь жениться, не так ли? – продолжал Эдуард. – Я нашел тебе подходящую невесту.

Он хитро улыбался, а граф Роберт Шафтсбери пытался сообразить, в чем дело. Неужели король решил подшутить над ним? Или славная вдовушка из предместья пожаловалась на него королю, чтобы заставить его на ней жениться?

Лицо графа покраснело от выпитого вина и духоты, но справедливости ради надо отметить, что это был весьма привлекательный мужчина, крепкий и высокий, с огромными кулаками, спорый на гнев. Он был молод – ему едва исполнилось двадцать пять, но он уже успел снискать себе славу бесстрашного воина и пылкого сердцееда. Семья графа была в родстве с самым королевским домом, и Шафтсбери безумно гордился этим.

– Я слишком молод, чтобы жениться. И все время воюю. Не годится долго оставлять молодую жену в одиночестве, – ответил он, надеясь, что король отпустит несколько шуточек, и на этом дело закончится.

Но на этот раз все оказалось серьезнее. Лицо короля помрачнело. Эдуард обвел глазами пиршественную залу. Сколько людей! И все с радостью угощаются за его счет. А на кого он может рассчитывать, если беда подступит к воротам? Забот не счесть – повсюду война, упрямые валлийцы не желают признавать главенство английского короля, нищие шотландские лорды сражаются за независимость, и казна от этого не становится полнее. Сейчас как никогда хочется иметь надежных соратников. Могучих, готовых сражаться.

Глаза короля остановились на белокуром Олафе, госте из далеких скандинавских земель. Свирепые викинги – неоднократно скрещивали с ними мечи предки Эдуарда. Но мир меняется, и, возможно, эти люди станут его союзниками... Он вспомнил недавний разговор с Олафом. Норвежский король не прочь оказать ему помощь, как и подобает христианскому властителю. Но не только золота хочет он, но и гарантий. Олаф вполне определенно высказался на эту тему. Сам Эдуард женат, за его малолетнего сына просватана дочь французского короля, но, может быть, кто-нибудь из рыцарей, близких английскому королю, возьмет в жены норвежскую красавицу и тем самым скрепит негласный договор между двумя государствами?

Мысль показалась Эдуарду разумной. У короля Хокона много родственников, в какой-нибудь семье должна найтись дева, достойная его рыцаря. И король дал свое согласие. Теперь оставалось только выбрать жениха, и Эдуард сразу же подумал о Роберте Шафтсбери. Молод, хорош собой, храбр, предан престолу всей душой, даже приходится королю каким-то родственником. Но бывает порой упрям как осел, из-за чего до сих пор и не нажил состояния...

Эдуард поднял кубок с вином и осушил его до дна. Услужливый виночерпий поспешил наполнить снова королевскую чашу. Король махнул рукой, подзывая к себе молодого Шафтсбери, который пристально наблюдал за ним. Тот с тяжелым сердцем повиновался.

– Видишь норвежца в зеленом плаще? – негромко спросил король.

– Да, – ответил граф, не понимая, куда клонит Эдуард.

– Он привез мне весть от короля Хокона. Тот готов прислать мне отборных воинов и быть мне хорошим другом. При условии, что наши дома породнятся. Король Хокон хочет быть уверен в будущем...

– Но разве Хокон не знает, что английский принц должен жениться на французской принцессе? – осторожно спросил граф Роберт.

Эдуард усмехнулся. Этот Шафтсбери совсем не дурак, хотя ловко машет мечом, а не переписывает древние книги для монахов.

– У меня много родичей. Ты – один из них.

Граф вздохнул с облегчением. Нет, разговор совсем не о нахальной вдове. С этой стороны ему ничего не грозит.

– У короля Хокона есть родственница, – продолжил Эдуард. – Говорят, она очень красива. Как ты думаешь, граф, понравится норвежской принцессе в наших краях?

– Ты хочешь, чтобы я на ней женился? – простодушно воскликнул граф.

Король молчал. Он знал, что в его силах заставить Шафтсбери, но предпочитал решить вопрос миром. Не хотелось бы, чтобы преданность в душе графа сменилась злобой.

– Что ж... – Граф почесал в затылке. – Если мой король приказывает мне... Я готов.

Так решилась судьба прекрасной Ингебьерг из далекой Норвегии. Обнадеженный посол помчался обратно к королю Хокону, чтобы сообщить, что девице и воинам пора отправляться в путь.

3

– Вот уж не думала, что англичане такие хорошенькие! – восторженно воскликнула Флора, как только за ними закрылась дверь купе.

– Тише, – нахмурилась Анна. – Он может тебя услышать...

Гарольд находился в соседнем купе, и девушка отнюдь не была уверена в толщине стен. К тому же она не сомневалась, что громкий голос Флоры можно услышать и из соседнего вагона, не говоря уже о купе!

– Ах, ну тогда мы можем перейти на французский. Он не особенно силен в нем, бедняга, – легкомысленно хихикнула Флора.

Гарольд произвел впечатление на темноволосую кузину баронессы. Она была очень рада тому, что у жениха Анны оказался настолько привлекательный друг. Пребывание в Англии обещало стать очень интересным...

– Я бы попросила тебя, Флора, отзываться о Гарольде в более уважительном тоне, – ровно заметила Анна.

Она смотрела в окно, всем своим видом подчеркивая, что не желает продолжать беседу. Флора поджала губы. Она мало знала свою благородную кузину и изо всех сил старалась подружиться с ней. Ей казалось смешным, что Анна целых пять лет провела чуть ли не в монастыре, и она горела желанием просветить кузину относительно миллиона вещей, о которых та не могла слышать в католической школе. Но Анна держала Флору на расстоянии и не собиралась становиться ее близкой подругой. Вот и сейчас она в очередной раз продемонстрировала свою холодность, отказавшись обсудить Гарольда Уэмбри. А ведь что может быть естественнее при подобных обстоятельствах! Обиженная Флора порылась в сумке, достала толстый любовный роман в потрепанной обложке и погрузилась в чтение.

Анна была счастлива, что ее оставили в покое. Вопреки мнению Флоры она не была ни холодной, ни бессердечной. Жизнь в монастыре приучила ее сдержанно вести себя и не спешить со словами. В этом новом для нее мире она судорожно цеплялась за правила, привитые ей матушкой Магдаленой.

Все было удивительно и непривычно Анне. И вызывающая одежда на женщинах, и громкая веселая музыка, и яркие огни городов. Она привыкла жить в тиши и покое, и хотя в монастыре было скучновато, другого дома у нее не было. Внезапно привычный уклад жизни был нарушен. Для Анны подошло время выходить замуж. Напутствуемая добрыми словами сестер, она вместе со своей двоюродной сестрой Флорой отправилась в Англию, узнавая по пути массу нового.

– И все-таки свинство со стороны Артура не встретить тебя лично, – произнесла Флора через некоторое время. Читать она не хотела, ей не терпелось выговориться. – Можно подумывать, он совсем не жаждет с тобой познакомиться!

– Вдруг он испугался? – улыбнулась Анна.

Флора прыснула. Порой кузина удивляла ее неожиданно меткими замечаниями.

– А ты сама не боишься? – спросила она через некоторое время.

Вся эта история с обручением казалась ей очень загадочной и романтической. Она, Флора, ни за что бы не подчинилась воле родителей, вздумай они выкинуть такую нелепую штуку. Но мать всегда говорила, что ее брат, отец Анны, немного с приветом.

– Н-не знаю, – неуверенно ответила девушка. – Я совсем не умею общаться с мужчинами. Что если я ему не понравлюсь?

– А если он не понравится тебе? – воскликнула Флора возмущенно. – Аннет, ты едешь в неизвестность, к совершенно постороннему человеку! Когда ты это поймешь? Вдруг твой жених стар или уродлив?

– Ему всего лишь тридцать два года, – рассудительно заметила Анна.

– Ладно, если он очень противный, ты просто не выйдешь за него и все, – улыбнулась Флора. – Никто не в силах заставить тебя.

– Но мой отец хотел...

Флора всплеснула руками.

– Мои родители поженились, не обращая ни на кого внимания, хотя твой отец кричал громче всех, что мать позорит честь семьи. И что? Они очень счастливы и любят друг друга, несмотря на то, что мой отец булочник, а не маркиз!

И Анна не могла не признать справедливость этих слов.

В дверь купе постучали. Флора вскочила и открыла дверь. По живости характера ей было очень трудно усидеть на месте. И она была вознаграждена с лихвой – в коридоре стоял Гарольд.

– Как дела? – спросил он.

– Хорошо, – улыбнулась она. – Мы изумительно устроились. Хотите посмотреть?

Не дожидаясь ответа, Флора отступила назад, приглашая Гарольда войти. Анна испуганно вжалась в спинку сиденья. Конечно, купе было достаточно просторным, и там вполне хватало места для троих, но с появлением Гарольда ей показалось, что она едва может пошевелиться и не задеть его.

Гарольд присел на полку Анны. Флора болтала без умолку, и хотя ее английский был не особенно хорош, Гарольд без труда понимал ее. Анна молчала. Гарольд ругал себя за то, что пришел и не находит в себе сил уйти. Молчание Анны угнетало его, но он не знал, как сломать стену, которую она воздвигла вокруг себя.

Ему ничего не оставалось делать, как беседовать с Флорой, которая была на седьмом небе от счастья из-за внимания молодого англичанина. Гарольд Уэмбри понравился ей с первого взгляда, и она не считала нужным скрывать это.

Анна напряженно прислушивалась к их разговору, хотя со стороны могло показаться, что ее занимает лишь пейзаж за окном. Она представляла себе Гарольда, сидящего на расстоянии вытянутой руки от нее, и проклинала себя за слабость, мешающую ей принять участие в беседе, рассмотреть его как следует...

– О, моя кузина прекрасно умеет ездить верхом! – донесся до нее восторженный голос Флоры. – Правда, Анна?

Девушка была вынуждена повернуть голову.

– Не преувеличивай, Флора, – сказала она. – Я так часто падала с лошади, что сестры очень редко позволяли мне кататься.

Легкая улыбка осветила лицо Анны. Смешливая Флора с готовностью захохотала, и Анна осмелилась перевести глаза на Гарольда. И тут же отпустила их, едва не задохнувшись от боли. Как он красив! И почему-то его лицо знакомо ей... Ровный нос, белая кожа, маленькая ямочка на подбородке, шрам над губой. Откуда он?

Повинуясь внезапному импульсу, Анна протянула руку и дотронулась пальцем до шрама Гарольда.

– Откуда это у вас? – спросила она, нахмутив брови.

У Гарольда перехватило дыхание. Черные глаза сурово и требовательно смотрели на него, переворачивая душу.

– По глупости получилось, – ответил он, безумно желая, чтобы она еще раз дотронулась до него. – Граната взорвалась.

– Что вы говорите! – ахнула Флора. – Где это было?

В глазах Анны промелькнул испуг.

– Ничего страшного, – усмехнулся Гарольд. – Во время учебы...

И он принялся рассказывать девушкам о том, как это случилось. Флора слушала очень внимательно, ойкала и качала головой, но Анна почти ничего не понимала. Она не отрывала глаз от шрама Гарольда и думала о том, как приятно было бы прикоснуться к нему губами. Внезапно ей стало стыдно. Сестры учили, что греховные мысли нужно немедленно гнать от себя. А что может быть греховнее, чем любоваться другом своего жениха? И впервые в жизни Анна пожалела о том, что отец так распорядился ее судьбой.

Время шло, и Гарольду нужно было возвращаться в свое купе. Он пожелал девушкам спокойной ночи и ушел, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Нет, и все-таки он прелесть! – мечтательно объявила Флора. – Пожалуй, я задержусь немного в Англии...

Анна ничего не ответила, чувствуя в груди нарастающее раздражение. Она знала, что подвержена приступам неукротимой ярости и боялась потерять контроль над собой. Девушки легли спать. Анна прошептала положенные молитвы, пытаясь обрести душевное спокойствие. Но у нее ничего не выходило – неведомое чувство росло в сердце и мешало ей уснуть.

Флора вскоре мирно посапывала. Анне не спалось. Она встала, закуталась в длинный широкий халат, бросила осторожный взгляд на Флору, открыла дверь купе и вышла в коридор. Анна подошла к окну. Поезд мчался вдаль, мерно стуча колесами, унося девушку в неизвестность, и ей казалось, что это стучит ее беспокойное сердце. Она была так увлечена своими мыслями, что не услышала, как открылась дверь соседнего купе...

Гарольд тоже тщетно пытался уснуть. Он не понимал, что происходит. Бесспорно, баронесса (теперь-то он знал, что ее зовут гордым именем Анна) очень привлекательна. Но встречал он и более красивых женщин, однако ни одна из них так не действовала на него. При одной только мысли об Анне у него голова шла кругом. Она вызывала в нем непонятное благоговение и одновременно вполне земные желания. Мысль о том, что она совсем рядом, через стенку, начисто лишала его спокойствия.

Гарольд поднялся и накинул рубашку. Лучше постоять в коридоре, чем отлеживать бока. Он открыл дверь и застыл в дверном проеме, увидев девушку с распущенными по плечам светлыми волосами. Анна стояла к нему спиной и явно не слышала его. Гарольд облизнул пересохшие губы. Он шагнул вперед, убеждая себя в том, что ничего страшного не произойдет, если они немного побеседуют.

– Тоже не спится? – преувеличенно бодро спросил он, подойдя к девушке.

Анна вздрогнула и повернулась к нему. Распущенные волосы необыкновенно шли ей, ее овальное личико потеряло часть своей строгости и неприступности. В полумраке коридора перед Гарольдом была не скромная воспитанница католических монахинь, а неотразимая соблазнительница, знающая о своих губительных чарах.

– Мне страшно, – прошептала девушка, и сердце Гарольда заколотилось с удвоенной скоростью.

– Почему?

Он встал рядом с Анной, ее плечо находилось буквально в паре дюймов от него. Девушка покачала головой, и прядь волос упала Гарольду на руку. Он едва сдерживал себя, чтобы не погладить их.

– Вы не должны ничего бояться, – без особой уверенности проговорил он, посмотрев на девушку.

Анна подняла голову. Гарольд с удивлением увидел, что она улыбается. Но сколько горечи и понимания было в той улыбке! Гарольду казалось, что своими глазами Анна видит его насквозь. Кошмарное предположение молнией пронзило его. Неужели она обо

всем догадалась? Он не очень хорошо умеет скрывать свои чувства, а как скрыть то, что налетело на него как ураган и не желает отпускать его?

– Анна... – хрипло начал Гарольд, и вдруг тонкие пальчики девушки легли на его губы, призывая к молчанию.

Гарольд закрыл глаза. Он едва дышал, боясь спугнуть эту нежную руку. Анна пристально разглядывала его, вряд ли сознавая, что делает. Она провела пальцем по шраму, и губы Гарольда чуть дрогнули. А девушка продолжала свое странное исследование. Ее теплая ладонь легла на щеку молодого человека, словно проверяя гладкость его кожи на ощупь. Гарольд не шевелился, точно зная, что если он сейчас осмелится дотронуться до Анны, она немедленно уйдет.

– Мне пора, – вдруг прошептала девушка, и прежде чем Гарри успел остановить ее, она уже скрылась в своем купе. Он мог утешать себя только тем, что в ее голосе явственно слышалось сожаление.

Ингебьерг стояла на носу корабля, ее золотистые волосы развевались на ветру. Она напряженно всматривалась вдаль. Их долгое и мучительно плавание подходило к концу, скоро она увидит страну, которая станет ее новой родиной. Ингебьерг было страшно, хотя даже себе самой она стыдилась признаться в этом.

– Не грусти, моя красавица, – проговорил кто-то за ее спиной.

Ингебьерг обернулась. Рядом с ней стояла высокая статная женщина с седыми волосами под белой полотняной повязкой. Она была уже немолода, однако сохранила и величавость, и красоту. Это была Кристин, дочь Эйрика, кормилица Ингебьерг. Она вызвалась сопровождать свою молочную дочь в дальнюю страну, прекрасно зная, что никогда не вернется оттуда. Ингебьерг была благодарна старой женщине за это.

– Ты же не оставила свое сердце дома, так что зачем тебе печалиться? – спросила Кристин. – Или песни молодого Эрленда были приятны тебе?

Ингебьерг покраснела. Эрленд, бесспорно, красив, но все же ее сердце не билось учащенно при виде его. Кристин все знала без слов – у девушки не было от нее секретов. Да и трудно было бы скрыться от ее пронизательного взгляда. Кристин многое повидала за свою жизнь и славилась мудростью.

– Когда-то в молодости я видела мужчин той страны, куда мы едем, – продолжила Кристин. – Они красивы и мужественны. И что-то подсказывает мне, моя Ингебьерг, что один из них завоюет твое сердце, и ты больше не будешь с тоской вспоминать о доме.

Девушка вздохнула. Нелепыми казались сейчас слова Кристин, тяжело было поверить в то, что боль в душе когда-нибудь пройдет.

– А сейчас тебе лучше пойти переодеться, – сказала Кристин. – Олаф говорит, что конец путешествия уже близок... Ты же хочешь предстать перед своим женихом красивой?

Ингебьерг склонила голову. Да, она должна быть красивой. Разве не ее красота – причина того, что она навсегда покинула отчий дом?

Вооруженный отряд королевских конников прискакал в город поздно вечером. Засидевшиеся в тавернах жители заволновались. Сейчас война ведется на суше, а не на воде, но кто знает, может быть, светловолосые викинги опять вздумали напасть на Британские острова, или же французам не дают покоя богатства короля Эдуарда... Нет, нынче опасно жить у моря – того и гляди налетят захватчики и придет конец мирному житью. Но знающие люди поспешили успокоить – конники прискакали, чтобы достойно встретить прекрасную скандинавскую деву, невесту самого короля!

– И охота вам болтать! – хмуро проговорил высокий светловолосый рыцарь, по всей видимости начальник прибывших конников. Он обвел присутствующих в таверне мрачным

взглядом. – Будто не знаете, что у короля есть жена! Скандинавская дева станет невестой графа Шафтсбери, родича короля.

Жители возбужденно загалдели, обсуждая невероятную новость. Будет о чем рассказать сегодня женам! Хмурый рыцарь присел к столу и заказал три кувшина вина для своих воинов. Пузатый трактирщик поторопился – нечасто у него останавливались важные господа из Лондона. Рыцарь с неприязнью разглядывал низкую залу трактира с закопченным потолком, где едва можно было дышать из-за свечной гари и испарений человеческих тел. В какую дыру забросила его судьба! Только неделю назад он пировал за королевским столом, и сейчас, повинаясь приказу, очутился в этой Богом забытой дыре.

Сэр Ричард Воксхолл был беден и честолобив. Именно честолобие помешало ему следовать жребию, уготовленному младшему сыну разорившейся дворянской семьи. Юный Дик не захотел стать священником, а предпочел поступить на службу к королю. Там он случайно столкнулся с Робертом Шафтсбери, вассалами которого являлась его семья. Роберт взял смышленного юношу под свое покровительство, и с тех пор они были неразлучны, напоминая скорее двух друзей, чем слугу и господина. Но порой граф Шафтсбери все же вспоминал о своем праве приказывать. Как, например, сейчас, когда он отправил Ричарда в этот городишко, куда по обычаю приставали ладьи скандинавов в их редкие визиты в Англию.

– Выпей с нами, Дик, – пьяно захохотал его сосед, подвигая к нему кувшин. – Вино, правда, дрянное, но крепкое, и служанки здесь прехорошенькие!

Ричард поморщился. Спутники, которых граф подобрал ему для этого путешествия, были ему не по вкусу – грубые, необразованные мужланы, волей случая попавшие в конный отряд короля. Но дрались они отменно, и Ричард уже неоднократно убеждался в их храбрости, поэтому приходилось мириться с их обществом. Они охотно подчинялись ему, потому что Воксхолл был справедлив и хорошо заботился о них, однако Ричард не пользовался их любовью. Они не понимали и порой посмеивались над ним. Что стоит рыцарь, умеющий разбирать написанное?

– Не печалься, Воксхолл, мы скоро уедем отсюда! – выкрикнул кто-то из его отряда. – Толькождемся красотку, и ты вернешься к своим рукописям...

Громовой хохот был ему ответом. Белокожий Ричард покраснел от досады. Да, осталось совсем чуть-чуть, и неприятное поручение будет выполнено.

Перед Ингебьерг раскинулась зеленая страна. Темнело, и она не могла в подробностях разглядеть деревянные постройки на берегу. Все чужое, незнакомое, но как же все интересно... Потемневшими от напряжения глазами она всматривалась вперед, а моряки Олафа тем временем готовились пристать к берегу. Где-то там ее поджидает неведомый жених, и к собственному удивлению девушка чувствовала, что к страху примешивается и любопытство.

Верная Кристин стояла рядом и изредка поглядывала на Ингебьерг. Никогда девушка не была так хороша, как сейчас, когда волнение зажгло ее глаза, а морской ветер раскрасил щеки румянцем. Любой мужчина сойдет с ума, увидев ее, размышляла старая кормилица, и на душе у нее становилось тоскливо.

Весть о том, что показались ладьи норвежцев, пришла вечером. Конники поспешно бросились на берег, любопытные горожане охотно сопровождали их. Ричард остановился на холме и приложил ладонь ко лбу. Так и есть, три корабля неторопливо приближались к берегу. Ричард приосанился и с достоинством, подобающим посланнику короля, стал спускаться вниз. Воины и горожане следовали за ним. Первым на берег сошел Олаф. Ричард знал старого скандинава и дружески приветствовал его. Олаф оглядел встречающих и не нашел среди них жениха. Резкие необдуманные слова были готовы сорваться с его губ, как вдруг

по толпе встречающих пронесся стон восхищения. Олаф обернулся и увидел, что рядом с ним стоит Ингебьерг, и взоры всех прикованы к ней.

Прекрасна была норвежская дева в этот предзакатный час. Ее густые золотистые волосы, спускавшиеся ниже талии, трепетали на ветру. Нарядное темно-синее платье, специально выбранное, чтобы оттенять глаза, подчеркивало статность ее девической гибкой фигуры. Без смущения смотрела красавица на разношерстную толпу перед собой – на ремесленников в замасленной одежде, оборванных нищих, богачей в бархатных кафтанах и добротных плащах, на женщин в жемчугах и ярких платьях, суровых воинов в латах. Все высипали поприветствовать Ингебьерг. Девушка почувствовала, как страхи ее отступают: и в этих глазах, как и дома, она видела любование и восхищение, а также капельку зависти и злобы...

Люди везде одинаковы, невольно подумала она. Вдруг Ингебьерг вздрогнула. Ее взгляд упал на молодого воина, который стоял впереди. Даже странно, что она сразу не заметила его. Воин был высок и широкоплеч, волосы его были цвета созревшей пшеницы, а глаза отливали сталью. Земля закружилась у девушки под ногами, когда она встретила глазами с молодым англичанином, и если бы Кристин не поддержала ее, она непременно пошатнулась бы.

Норвежцы продолжали высаживаться на берег и вытаскивать тюки товара, а Ричард по-прежнему стоял, не в силах вымолвить ни слова. Небывалое оцепенение охватило его. Он, казалось, не замечал больше ни кораблей, ни Олафа, ни воинов, ни моряков, ни земли, ни моря, ни неба. Он не слышал, что ему говорили, не понимал, что ведет себя странно. В одно мгновение все изменилось для него. Он не знал, как зовут скандинавскую деву, не знал ее языка и семьи, но твердо ощущал, что теперь судьба его неразрывно связана с нею...

Наконец англичанин заговорил. У него был красивый мелодичный голос, и Ингебьерг подумала, что никогда не слышала ничего прекраснее. Олаф ответил ему на его языке. Он повернулся к женщинам и знаком показал, что им надо следовать за молодым воином. Ингебьерг ног не чуяла под собой. Неужели этот светловолосый рыцарь предназначен ей в мужья? Сердце радостно забилося, и девушка даже не удивилась тому, как быстро были забыты тяготы путешествия и тоска по дому. Все ее существо было охвачено блаженным восторгом, Ингебьерг хотелось петь. Все вокруг казалось ей изумительным, даже эти люди в плохой одежде, бросающие на нее завистливые взгляды.

Ингебьерг внимательно вглядывалась в спину идущего впереди воина. Какая горделивая у него походка! Сразу видно, что это достойный, знатный человек! И Ингебьерг радовалась тому, что отец все так хорошо для нее устроил.

Воины привели их к невысокому дурно пахнущему строению, и Олаф объяснил женщинам, что это постоялый двор, где они немного отдохнут, прежде чем отправятся в путь. Ингебьерг вовсе не хотелось отдыхать, она чувствовала себя необыкновенно бодрой и сильной, но, конечно, им всем нужно прийти в себя.

Молодой воин распрощался с ними у дверей постоялого дома, кинув на Ингебьерг страдающий взгляд, от которого у нее перехватило дыхание. Почему он так печален? Разве она не его невеста? Предчувствие беды железным обручем сжало сердце Ингебьерг.

– Послушай, Олаф, кто этот человек, который провожал нас? – обратилась девушка к своему спутнику, когда они остались одни. Лишь Кристин разбирала дорожный сундук в углу полутемной горницы.

– Его зовут Ричард Воксхолл, – ответил Олаф, не без труда выговаривая иностранное имя. – Он начальник отряда конников, которых король Эдуард отправил встретить тебя.

Олаф замолчал. Ингебьерг встревожилась. Неужели старый воин ничего не хочет добавить?

– Он очень красив, – прошептала девушка.

– Да. – Олаф кинул на Ингебьерг мрачный взгляд. – Но тебе лучше не смотреть в его сторону. Твоему жениху, который ждет тебя в Лондоне, это может не понравиться.

И с этими словами Олаф вышел из горницы, оставив женщин наедине.

4

Проснувшись рано в своем лондонском доме, лорд Чизвик никак не мог понять, почему у него так тревожно на душе. Печень, слава Богу, больше не шалит, в делах тоже полный порядок... Ах, да. Лорд Чизвик вспомнил и поморщился. Сегодня приезжает Анна де Кастельяк, невеста Артура. В последний раз он ее видел три года назад на ее двадцатилетие, да и то недолго, потому что монахини не особенно поощряли визиты родственников. Она была прехорошенькой, вряд ли сейчас она сильно изменилась.

Лорд Чизвик поднялся с постели и начал медленно одеваться. В те дни, когда он хорошо себя чувствовал, он предпочитал обходиться без помощи камердинера. Подумать только! Через пару часов Анна предстанет перед ним под руку с женихом. Все, как хотел ее отец – девочка не посмела его послушаться. Впрочем, возможно, это и к лучшему. Лорд Чизвик был настроен с утра весьма благожелательно. Современные молодые люди не имеют представления о том, что хорошо, а что плохо. Если родители заблаговременно позаботились о них... честь и хвала таким родителям!

Лорд спустился вниз в столовую. Но не успел он приняться за аппетитные гренки с маслом, как его прервали. В комнату вошел слуга.

– Простите, сэр... – произнес он извиняющимся тоном, так как знал, что лорд Чизвик терпеть не может, когда его беспокоят за едой. – Пришел граф Шафтсбери.

– Артур? – Раздражение старого лорда сразу улетучилось. Но ведь он должен приехать только через час. Неужели что-то случилось? – Он один?

Слуга кивнул. Лорд Чизвик встал из-за стола и с неприличной поспешностью бросился в холл.

Там действительно сидел Артур Беллингем. Он удобно устроился в мягком кресле и с видом знатока рассматривал висевшие на стенах картины. Он был серьезен и спокоен, и в целом ничто не указывало на то, что произошло что-либо ужасное.

– Артур, мальчик мой, в чем дело? – взволнованно воскликнул лорд Чизвик.

Артур встал. Беспокойство, прозвучавшее в голосе Чизвика, было ему понятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.